

Поднимаясь вверх, Чжоу Янь вдруг вспомнил, что именно здесь, вероятно, были сброшены родители Бай И. Неважно, были ли они бессмертными или демонами — с этого момента их тела и души исчезли без следа.

Его сердце невольно сжалось от тревоги.

Бай И же лишь слегка улыбнулся. Он медленно протянул руку, и его когти мгновенно стали острыми, излучая холодный блеск.

— Если здесь нельзя использовать силы бессмертных или демонов, то, пожалуй, у меня тут есть небольшое преимущество.

Он быстро наклонился и нанёс удар когтями, мгновенно изменив цвет белой одежды Лин Сяо.

Глаза Лин Сяо загорелись красным, словно он хотел его сожрать, и он пристально, с ненавистью смотрел на Бай И.

Мин Хуа же рассмеялся:

— Если говорить о преимуществах, то твои когти вряд ли сравнятся с когтями Золотого Феникса. Лин Сяо, быстрее сбрось его вниз!

Его лицо было точной копией лица Чжоу Яня, но улыбался он отвратительно и злобно.

Лин Сяо посмотрел на свою окровавленную одежду, невольно поморщился, а затем взглянул на Небесного Императора, стоящего в стороне:

— Он ещё не поднялся...

— Если он поднимется, будет уже поздно! — резко прервал его Мин Хуа, нахмурившись. — Быстрее!

Услышав это, Лин Сяо взглянул на Бай И с ещё большей жестокостью.

На самом деле Чжоу Янь не приложил много усилий, чтобы добраться до Помоста Казни Бессмертных. Как Небесный Император, он должен был быть равнодушен к мирским страстям, но на протяжении всего пути его одежда была пропитана потом.

И всё же каждый шаг казался ему бесконечно долгим, словно время растянулось на годы, словно шелковая акация цвела и увядала снова и снова, а Бай И ждал его под её ветвями, но он всё никак не мог добраться.

Когда он наконец ступил на помост, то увидел лишь, как окровавленная белая одежда упала в Ущелье Уцзянь.

Золотой Феникс также превратился в свою истинную форму, крича в отчаянии:

— Кто ты такой?

В тот же миг Чжоу Янь почувствовал, что, вероятно, превратился в Таоте. Он ясно видел страх в глазах Золотого Феникса, протянул руку и сжал его в ладони, превратив в прах в своём рыке.

На мгновение ему внезапно подумалось, что, возможно, это вовсе не Феникс.

Он развернулся и спустился в Ущелье Уцзянь, обняв своего окровавленного лисёнка и приняв на себя множество атак.

Он всегда говорил, что если влюбится в этого лисёнка, то, даже если и сможет вырваться, то, вероятно, останется без рук и ног. Но теперь он понял, что готов умереть за него.

Чёрт, магия девятихвостого лиса действительно необыкновенна...

Перед смертью Бай И — или, возможно, это была смерть — слишком много крови затуманило его глаза, он почти ничего не видел. Ветер вокруг был острым, как лезвие, словно разрывая его душу на части. Несмотря на такую боль, крошечное тепло заставило его слабо улыбнуться...

В тот же момент весь Девятиконечный Мир начал разрушаться, превращаясь в пепел и исчезая в пустоте.

Боль. Пронизывающая до костей боль, и холод, заставляющий дрожать.

Бай И слегка нахмурился, чувствуя, как его тело стало тяжёлым, словно когда-то в Первой Небесной тюрьме. Но вокруг было шумно, и тишины не было ни на мгновение.

Воспоминания нахлынули на него, вызывая невыносимую головную боль. Когда-то он был Фениксом под покровительством Бога-Отца, которому было поручено преследовать свирепого зверя Таоте. Позже они вместе упали в бездну ада и пережили иллюзорную жизнь...

Небесный Император, белый лис, Золотой Феникс... Что это было — сон Чжуан Чжоу о бабочке или сон бабочки о Чжуан Чжоу?

И где теперь был Таоте?

— Эй! Очнулся, очнулся!

— Мама Лю, идите скорее, кажется, он шевелится!

— Ох, боюсь подойти, если он снова ударится о столб, меня тоже накажут!

...

Бай И с трудом открыл глаза и слегка удивился. Это место казалось миром смертных.

Он находился на высоком помосте, а внизу толпилось множество людей. По обеим сторонам стояли магазины, и всё выглядело очень оживлённо, совсем не так, как пустынный Наньчэн.

Мама Лю, увидев, что он медленно садится, слегка загорелся в глазах, почувствовав, что в этом человеке что-то изменилось. Если его хорошо воспитать, он определённо станет звездой его Сада Ив!

Однако, к сожалению, он не сможет оставить его себе.

Он слегка вздохнул, поднялся по ступенькам и подошёл к Бай И, протянув ему чашку воды, словно заботливая сестра:

— Третий молодой господин, по-моему, вам не стоит больше пытаться покончить с собой... Завтра истекает трёхдневный срок, вы... Эх!

Сверху пришёл приказ, чтобы третий молодой господин из семьи Бай испытал как можно больше страданий, поэтому каждый день его выставляли на помосте Сада Ив. Но люди понимали, что семья канцлера всегда была честной, поэтому, хотя он и был выставлен на всеобщее обозрение, его не унижали.

Наоборот, за два дня третий молодой господин уже трижды ударился о столб, и было бы проще просто покончить с этим одним ударом.

Услышав обращение «третий молодой господин», Бай И словно очнулся. Воспоминания вспыхнули, как огонь, и превратились в пепел в его голове, но он всё ещё помнил одно: они были невиновны.

В мгновение ока, словно шестнадцать лет жизни этого третьего молодого господина пронеслись перед его глазами. Бай И слегка вздохнул, думая, что это, вероятно, самые важные моменты его жизни, которые даже после смерти остались в его памяти.

Мама Лю понизил голос и шепнул ему на ухо:

— Третий молодой господин, все знают, что канцлер невиновен, но указ императора — кто осмелится его нарушить?

Бай И слегка удивился, почувствовав влагу на лице, и понял, что он только что произнёс эти

слова вслух.

Он вздохнул, посмотрел на солнце, которое уже было почти в зените, и повернулся к этому ярко покрашенному мужчине, искренне сказав:

— За эти два дня спасибо вам. Сегодня можете ли вы найти мне место, где я могу искупаться?

Он примерно понимал своё нынешнее положение, но ему нужно было привести себя в порядок, чтобы обдумать, что делать дальше.

Солнце светило ярко, и его лучи падали на его лицо, делая кожу белой, как нефрит. Его глаза сияли, а улыбка казалась неземной.

Мама Лю замер, заикаясь:

— О-о! Я... я приготовлю.

Уходя, он с сожалением оглянулся, думая, что будет настоящим грехом, если этого прекрасного человека казнят.

Несмотря на то что он был готов к этому, увидев ванну, наполненную лепестками, Бай И невольно усмехнулся.

Мама Лю следовал за ним, осторожно наблюдая за выражением лица третьего молодого господина, но неожиданно Бай И обернулся и искренне улыбнулся:

— Лю Юнь, спасибо тебе. Мне очень нравится.

Лю Юнь было настоящее имя Мама Лю, которое никто не произносил уже много лет. Хотя он был настоящим мужчиной, занимаясь этим делом, его называли Мамой Лю, что было странно, но он уже привык.

Теперь, услышав, как третий молодой господин назвал его Лю Юнем, он чуть не заплакал.

— Т-третий молодой господин, рад, что вам нравится.

— Теперь зови меня Бай И. Дома канцлера больше нет, и третьего молодого господина тоже.

Бай И горько усмехнулся и велел всем слугам, которых Лю Юнь привёл, уйти, а сам закрыл дверь.

Лю Юнь с сожалением остался снаружи, цепляясь за дверь:

— Господин, у вас раны, если вам что-то понадобится, позовите меня...

Бай И слегка улыбнулся, ответив, что, хотя этот человек выглядел устрашающе, его характер был прямолинейным.

Ванна была огромной, а рядом стоял резной туалетный столик из жёлтого дерева с зеркалом, которое выглядело очень роскошно.

Бай И, глядя на зеркало, почувствовал лёгкое волнение, подошёл к нему, и в отражении увидел лицо, на котором не было следов шрамов, как у Феникса, с которым он был идентичен.

Другими словами, это лицо было таким же, как у Лин Сяо.

Он глубоко вздохнул, думая, что неудивительно, что он почувствовал симпатию к Лин Сяо. Аура Золотого Феникса и эта внешность, вероятно, притягивали его.

Он отвернулся, снял одежду, бросил её на ширму и, босиком, медленно вошёл в воду.

<http://bllate.org/book/15500/1374851>